

Пить старались как можно реже. И дело было не только в том, что пробраться в туалет сквозь плотную толпу — задача почти невыполнимая. В их армейских фляжках почти не осталось воды. В таком забитом вагоне надеяться на проводника с кипятком не приходилось, так что каждую каплю берегли.

В тесноте да в удушающей летней жаре было невыносимо. Из открытых окон вагона веяло раскаленным ветром, от которого кожа мгновенно становилась липкой. Тело исходило тяжелым, душным потом, а горло сушила непреодолимая жажда. Настоящая пытка.

Прижав сумки к груди и прислонившись друг к другу, парни дремали. Протискивавшиеся мимо пассажиры то и дело задевали их, заставляя на миг открывать глаза, но ребята лишь равнодушно закрывали их снова. Настоящий сон не шел, но так удавалось сохранить хоть немного сил и сберечь рассудок.

— Брат Гоудань, я в туалет. Посторожи место.

Они прекрасно понимали, где находятся. Вежливость и уступчивость хороши до поры до времени, но не в забитом до отказа общем вагоне. Большинство пассажиров здесь составляли крепкие молодые мужчины, возвращавшиеся с заработков; стариков, женщин и детей среди них почти не встречалось. Каждая поездка давалась людям с боем. Проявишь слабость — тебя тут же затрут, а место нагло отберут. Эту нехитрую истину они усвоили прочно.

Как только Ван Сюань поднялся, Ли Кай тут же закинул ногу на его половину сиденья — привычный, отработанный жест. А-Сюань принялся пробиваться к выходу. Вагон стоял стеной: мало того, что проход забили вещами, так еще и сидевшие на полу пассажиры нарочно не желали уступать дорогу. Их угрюмый вид так и говорил: «Попробуй пройди, хрен я ради тебя двинусь».

Пусть Ван Сюань и не занимался боевыми искусствами с таким же фанатичным упорством, как Ли Кай, силы и ловкости ему было не занять. Молодой, крепкий — с ним шутки плохи. Если кто-то упрямо не желал посторониться, он просто раздвигал толпу руками, словно разгребал воду при плавании.

— Посторонитесь, разойдитесь, — приговаривал он, уверенно протискиваясь вперед.

С этими словами он аккуратно, но твердо отпихивал в сторону упрямец и тех, кто действительно не мог пошевелиться, освобождая себе лазейку. Возражать никто не решался. Все понимали: условия скотские, хочешь не хочешь, а уступать дорогу приходится. Не стоять же парню посреди прохода вечно. Самые сообразительные пассажиры тут же пристраивались к Ван Сюаню в хвост, цепочкой продвигаясь к заветному тамбуру. Ли Кай за друга не беспокоился. Обычно он брал все трудности на себя, но знал, что А-Сюань и сам умеет постоять за себя, просто в обычное время в этом не было нужды.

Выросшие в одной деревне, в суровых крестьянских буднях, они оба закалили характер и бесхребетными слабаками уж точно не были.

Возле туалета толпилась целая очередь. Если кто-то задерживался внутри слишком долго, снаружи начинали неистово стучать и пинать дверь. Находились чудаки, готовые терпеть удушливую вонь, лишь бы подольше не выходить — кабина хоть и тесная, зато там никто не прижимает тебя со всех сторон. Ожидавшие снаружи исходили злостью. Они барабанили в железную обшивку, едва сдерживая желание вытащить упряма за шкуру и хорошенько проучить.

Ван Сюань вернулся только через полчаса. Возле их лавки уже околачивалось несколько человек, бросавших на свободное место хищные взгляды. За долгий день люди измотались, духота накаляла атмосферу, а терпение подходило к концу. Но Ли Кай уже успел показать характер в начале пути, так что, несмотря на молодое лицо, связываться с ним никто не рискнул.

Билеты у них были на прямой рейс. Когда они ехали на юг, приходилось делать пересадки, но на обратный путь взрослые, видимо, побоялись отпускать ребят одних. Решили, что лучше сделать крюк и переплатить, но ехать без лишней суеты.

Прекрасно понимая, сколько суток им предстоит провести в этом грохочущем аду, парни берегли свои сидячие места пуще глаза.

Протиснувшись обратно, Ван Сюань сразу уловил напряженную атмосферу, но даже бровью не повел. Ли Кай убрал ногу, уступая ему сиденье. Оба вели себя спокойно, уверенно встречая тяжелые, завистливые взгляды окружающих. Кому-то из наглых соседей Ли Кай даже насмешливо кивнул.

Теперь пришла очередь Ли Кая идти в уборную. Со стороны их маневры злили тех, у кого не было мест, но парням было плевать. Ли Кай поднялся, потянулся, разминая шею и плечи. Суставы громко, отчетливо хрустнули. В дороге они твердо усвоили правило: где нужно — уступи, но где необходимо — стой насмерть.

Ли Кай прокладывал себе путь куда бесцеремоннее друга. Тех, кто упрямо сидел на полу и мешал пройти, он либо просто отодвигал в сторону одной рукой, либо перешагивал своими длинными ногами. Кому понравится, когда над его головой заносят ботинок? Люди нехотя подбирали под себя колени и отползали, освобождая узкую, в одну ступню, тропинку.

Вода в туалете не работала. Видимо, из-за качки поезда некоторые пассажиры умудрились испачкать все края сливного отверстия. Приходилось отворачиваться, задерживать дыхание и терпеть. Выходя оттуда, Ли Кай чувствовал себя так, словно сам пропитался этой удушливой вонью с ног до головы.

В тамбуре у окна сидел измученный мужчина средних лет, зажатый между своими тюками. Глаза у него были красными от недосыпа, волосы лоснились от жира, а по лицу читалось, что он вот-вот сорвется. Ли Кай слегка подтолкнул его носком ботинка:

— Эй, дядь. Давай ты встанешь и разомнешься, а я тут у окошка постою? Можешь пока пойти

на мое место посидеть.

С этими словами он указал подбородком в сторону их лавки, где сидел Ван Сюань.

Мужчина посмотрел на него воспаленными глазами, полными дикого недоверия. Он вцепился в свои тюки мертвой хваткой, явно подозревая в Ли Кае вора, посягающего на его добро.

— Ну так что, согласен? Черкни словечко.

— Тебе чего здесь надо? — хрипло спросил мужчина, не ослабляя хватки. — И не думай у меня тут...

— Да воняет же, дядь, неужто сам не чуешь? Я из этого сортира только что вышел, на мне живого места нет. Хочу у окна постоять, проветриться немного. Если не хочешь, так и скажи, я с кем-нибудь другим договарюсь.

Мужчина промолчал. Страх потерять багаж боролся в нем с диким желанием хотя бы полчаса посидеть на нормальной лавке. В конце концов осторожность взяла верх.

— Не надо, — буркнул он. — Мне и на полу неплохо.

Тем не менее, он немного подвинулся, давая Ли Каю возможность встать поближе к приоткрытому окну. Ли Кай церемониться не стал. Поймав встревоженный взгляд вытянувшего шею Ван Сюаня, он ободряюще кивнул другу: все в порядке. Раскаленный воздух врывается в щель окна. Ли Кай расстегнул верхние пуговицы рубахи и принялся яростно обмахиваться полами одежды, пытаясь выветрить въевшийся запах туалета.

Он немного потянулся в узком проходе, разминая затекшее тело. Страшно было представить, во что превратится их одежда к моменту прибытия в столицу провинции. Кислые соленья и те, пожалуй, пахли приятнее.

Вернувшись к сиденью, он встретил тихий вопрос Ван Сюаня:

— Чего ты там так долго? О чем болтал с ним?

— Да так, ни о чем, — вполголоса ответил Ли Кай. — Мужик совсем из сил выбился, жалко его. Хотел уступить ему место ненадолго, там у окна хоть дышать можно. Но он забоялся.

— Есть хочешь? — спросил А-Сюань. — Может, перекусим?

— Да какой тут аппетит... Я просто попью воды. Поедим, когда совсем прижмет.

— Ладно. Может, постоишь немного, разомнешься? Столько времени сидеть — с ума сойти можно.

— Не стоит. Лучше разомни мне плечи.

Вокруг них люди сидели на полу, поджав колени, или лежали прямо под сиденьями. Раскачиваться и устраивать физкультминутку, когда у тебя есть роскошь сидеть на лавке, было верхом бестактности. Любое неловкое движение могло задеть соседа и разжечь конфликт. В душном, раскаленном вагоне нервы у всех были натянуты как струны, и малейшая искра грозила обернуться дракой.

К третьему дню пути их одежда превратилась в мятые грязные тряпки. Тяжелый дух пота и грязи висел в воздухе плотным, почти осязаемым маревом. Ли Каю и Ван Сюаню казалось, что у них начисто атрофировалось обоняние — они больше не чувствовали вони, хотя весь вагон благоухал одинаково невыносимо.

От бесконечного сидения ноги у обоих сильно отекали. Те пассажиры, что в первый день скромно стояли у стен или подстилали под себя газетки, теперь лежали вповалку. Кто-то умудрился забиться в узкие щели под сиденьями. О приличиях и удобстве никто давно не думал — организмы работали на пределе выносливости. Люди спали прямо в проходе, и если кто-то наступал или перешагивал через них, они даже не просыпались, лишь бы их не пинали слишком больно.

— Ну и доля... — тихо вздохнул Ван Сюань. — Тяжело же даются эти поездки.

Голоса в вагоне постепенно затихли. Шумные компании, бурно обсуждавшие что-то вначале, теперь молчали. Сил на пустую болтовню не осталось ни у кого — все берегли энергию, погрузившись в тяжелое полузабытье.

Запасы еды в их сумках подошли к концу, остались лишь самые черствые лепешки. Пользоваться их тайным «сокровищем» в такой тесноте они не решались, опасаясь лишних глаз. Так и ехали: грызли каменные сухари, запивая теплой водой, которую удавалось раздобыть у проводника. Губы потрескались до крови, волосы спутались и стояли колом. Несколько дней без зубной щетки и мыла превратили их рты в рассадник мерзкого налета, из-за чего даже простая еда казалась безвкусной глиной.

Стоило провести ладонью по лицу, как пальцы покрывались слоем жирной грязи. Все тело невыносимо чесалось от пота и духоты.

Когда поезд наконец дополз до конечной станции в столице провинции, парни чувствовали себя изнуренными до предела. Они вышли на перрон, пошатываясь от усталости; в ушах все еще стоял монотонный стук колес. Наняв первого попавшегося рикшу, они велели везти их напрямик в городскую баню. Боялись, что в дешевом общежитии не окажется душевой, а терпеть эту липкую грязь больше не было сил. Обед мог подождать, но смыть с себя дорожный смрад требовалось немедленно.

— Ну наконец-то...

Ли Кай шумно выдохнул и высунул язык, совсем как их псы Дагуай и Сяогуай после долгой погони в жаркий день.

— Еще бы пара часов в этой парилке, и я бы точно концы отдал. Откуда там столько жара?

Летом в банях было пусто. В теплую погоду люди предпочитали сполоснуться дома колодезной водой, не тратя лишних денег на билеты. Это зимой деваться некуда, а сейчас заведение пустовало.

Они провели в пустом прохладном зале больше часа, отмываясь от макушки до пят. На свободу вышли обновленными. До этого они напоминали завязших в липком иле птиц, не способных расправить крылья, а теперь тело казалось невесомым, словно они сбросили несколько килограммов лишнего веса. Да и немудрено: за трое суток в раскаленном вагоне под палящим солнцем, без нормальной еды и сна, они изрядно осунулись.

По пути на юг, когда вагон был посвободнее, они еще заваривали себе травяной чай от жары. На обратном же пути даже глоток чистой воды приходилось добывать с боем, тут уж не до изысков.

— Давай сюда свои грязные вещи, я их покрепче увяжу и спрячу на самое дно сумки, — сказал Ван Сюань, затягивая узел. — А то от них разит на версту.

Он твердо решил, что по возвращении домой первым делом бросит эту одежду в реку и прижмет камнями, пусть отмокает пару дней. Слишком уж сильно она пропиталась дорожной грязью.

Чистое белье и прохлада вернули парням бодрость. Теперь нужно было плотно поесть и разузнать, ходит ли еще какой-нибудь попутный автобус до их уездного городка. Ночевать в столице провинции они не планировали: город был слишком огромным, чужим и непредсказуемым для деревенских ребят.

Местные столовые предлагали скудное и однообразное меню, да еще и требовали государственные талоны на питание. Невольно вспоминались яркие, заманчивые улочки Специальной экономической зоны с их дешевой, сытной и невероятно вкусной уличной едой.

Молодой организм быстро берет свое. Наскоро перекусив и немного переведя дух, они сразу поспешили на автовокзал. Им повезло ухватить последние билеты на вечерний рейс до уезда, и едва сошедшим с поезда парням пришлось снова грузиться в душный салон автобуса.